

— РОМАН —

«АТОМ С ЖЕМЧУЖИНОЙ»

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ —
ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ
НЕЛЬЗЯ КОНТРОЛИРОВАТЬ

Маргарита Горлова-Романова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Горлова-Романова

Атом с жемчужиной

<https://litres.ru/74083166>

SelfPub; 2026

Аннотация

Учитель физики Виталий Горлов привык верить формулам: если знать законы, любую реакцию можно рассчитать и удержать под контролем. Но однажды обычный школьный проект по современной энергетике запускает в его жизни процесс, который не подчиняется ни разуму, ни опыту, ни совести.

Рядом с ним оказывается Маргарита — талантливая, яркая, слишком взрослая для своих четырнадцати и слишком уязвимая, чтобы понять всю опасность происходящего. Переписка, музыка, взгляды, тайные встречи — всё начинается почти невинно, но каждое «ничего страшного» приближает взрыв.

На фоне этой личной катастрофы звучит Чернобыльская хроника — история другой реакции, которую тоже считали управляемой.

«Атом с жемчужиной» — психологический роман о зависимости, самообмане, нарушенных границах и поступках, радиация которых остаётся надолго после того, как всё уже разрушено.

Содержание

Возрастная маркировка: 18+	5
Авторская позиция	6
Аннотация	7
Часть первая	8
Чернобыльская хроника I. До испытания	8
Глава 1. Понедельник	11
Глава 2. Искра	13
Чернобыльская хроника II. Малые нарушения	15
Чернобыльская хроника III. Записка о хлебе	18
Глава 3. Семья	20
Глава 4. Друзья	22
Глава 5. Электричество	25
Чернобыльская хроника IV. Пульт	27
Чернобыльская хроника V. Слово «остановимся»	29
Глава 6. Волна	32
Чернобыльская хроника VI. Разгон	36
Глава 7. Связь	38
Глава 8. Говори со мной...	41
Глава 9. Другой	45
Глава 10. Разум	48
Чернобыльская хроника VII. Аварийная защита	51
Глава 11. Бабочки	53

Глава 12. Сумасшедший день	55
Глава 13. Наркотик	58
Глава 14. Жемчужина	62
Глава 15. Ядерные реакции	65
Глава 16. Сбой на реакторе	68
Глава 17. Кнопка АЗ-5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Маргарита Горлова-Романова Атом с жемчужиной

«Ядерная энергия — это та же энергия солнца, только запертая в матери. Любовь — та же ядерная реакция, только запертая в двух сердцах. И горе тому, кто выпустит её без контроля».

Автор

Возрастная маркировка: 18+

Роман содержит сцены психологической зависимости, нарушения педагогических границ, семейного конфликта, употребления алкоголя, обценную лексику и суицидальные мотивы. Произведение адресовано взрослому читателю. Текст подготовлен как психологическая драма-предупреждение, а не романтизация запретной связи.

Все герои и события являются художественным вымыслом. Любое сходство с реальными людьми, организациями и обстоятельствами случайно либо использовано как художественное обобщение.

Авторская позиция

В отношениях взрослого педагога и несовершеннолетней ученицы не может быть равенства сторон: ответственность за границу всегда лежит на взрослом. Эмоциональные оправдания героя, его слова о любви, судьбе и «особой связи» являются частью его самообмана, а не авторским оправданием нарушения профессиональной и человеческой ответственности.

Линия Чернобыльской катастрофы следует общей исторической хронологии событий; отдельные бытовые персонажи этой линии являются собирательными художественными образами. Они введены не для документальной реконструкции, а для того, чтобы показать человеческую цену решений, которые слишком долго называли контролируруемыми.

В издании эта линия выделена как «Чернобыльская хроника»: она читается как самостоятельная человеческая трагедия и одновременно зеркально отражает основную психологическую драму.

Аннотация

Учитель физики из Краснодона запускает школьный проект по современной энергетике, но вместе с ним запускается другая реакция — личная, опасная и почти неконтролируемая. Виталий Горлов привык объяснять мир формулами, однако чувство, возникшее рядом с ученицей Маргаритой, разрушает привычные законы: семью, профессию, дружбу, веру в себя и границы дозволенного. «Атом с жемчужиной» — психологический роман о кризисе среднего возраста, зависимости от эмоций, силе самообмана и той радиации поступков, которая остаётся даже после взрыва.

Часть первая

«Цепная реакция начинается с одного-единственного нейтрона, попавшего в ядро. Никто не знает заранее, даст она энергию для жизни или выжжет всё дотла».

Автор

Чернобыльская хроника I. До испытания

Четвёртый блок. Ночь с 25 на 26 апреля 1986 года.

Ночь над станцией была ровной и чёрной.

Четвёртый блок стоял в темноте, освещённый изнутри собственным электрическим сердцем. Снаружи всё казалось неподвижным: бетон, стекло, кабели, мокрый асфальт, редкие огни промплощадки. Но внутри, за стенами, за приборами, за толщей графита и металла, шла работа, которую человеческий глаз не мог увидеть.

Реактор жил.

Он не дышал, не думал, не хотел. Он просто подчинялся законам, которые люди записали формулами, графиками, инструкциями и табличками. Но закон, записанный на бума-

ге, не перестаёт быть законом, когда человек устал, спешит или решает, что именно сегодня можно сделать исключение.

В ту ночь никто ещё не произнёс слово «катастрофа».

Было испытание. Обычная техническая задача: проверить, сможет ли турбогенератор после отключения подачи пара ещё какое-то время вращаться по инерции и давать электроэнергию для насосов. Всё выглядело разумно. Всё было нужно для безопасности.

Самые опасные вещи часто начинаются именно так: не с преступления, не с безумия, не с желания разрушить, а с уверенного человеческого: «Мы проверим. Мы справимся. Мы всё контролируем».

На пульте горели лампы. Люди говорили коротко, деловито, без лишних слов. У каждого была должность, смена, усталость, привычка к ночи. У каждого где-то за пределами станции оставалась жизнь: жена, ребёнок, недопитый чай, невыспавшееся утро, город Припять с широкими улицами, школами, окнами, за которыми люди спали и не знали, что их дом уже стоит у края невидимой пропасти.

В одной из квартир Припяти Нина, медсестра городской больницы, оставила на кухонном столе записку мужу: «Паш, купи утром хлеб». Их маленький сын Артём спал, раскинув руки поверх одеяла, и во сне улыбался чему-то своему. Нина погасила свет в коридоре, прислушалась к далёкому гулу станции и решила, что это обычная ночь атомного города.

Павел в это время был на дежурстве в пожарной части.

Он тоже не думал о катастрофе. Он думал о хлебе, о сыне, о том, что утром надо починить велосипедное колесо, и о том, что весна наконец-то станет настоящей.

Реактор работал на пониженной мощности.

В этом было что-то обманчиво спокойное. Сила будто притихла. Не ревела. Не требовала страха. Не показывала зубов. Но именно в приглушённом состоянии она становилась капризной, неустойчивой, раздражённой. Большая сила, которую заставили ползти почти на коленях, не всегда становится безопаснее. Иногда она просто ждёт момента, когда её перестанут понимать.

Над станцией стояла апрельская ночь.

И где-то далеко, в другой жизни, ещё не случившейся, другой человек тоже будет думать, что контролирует процесс. Что это всего лишь конкурс. Всего лишь ученица. Всего лишь переписка. Всего лишь музыка. Всего лишь взгляд.

Но цепная реакция никогда не начинается со взрыва.

Она начинается с одного движения внутрь.

С одного нейтрона.

С одной мысли.

С одного письма, открытого во второй раз.

Глава 1. Понедельник

Он пришёл на работу в понедельник — в обычное утро очередной рабочей недели второй четверти. Всё шло привычно, дышалось ровно.

На электронную почту пришло пересланное Ириной Сергеевной письмо о конкурсе научно-технических проектов. Он скользнул по нему взглядом и оставил без внимания. Уроки прошли хорошо: он умел заечь детей своим предметом. Они решали задачи, постигая мир через магию формул. Мир чисел всегда был ему понятен и вызывал тихое, глубокое восхищение. Он наконец-то нашёл себя. Долго шёл к этому: тринадцать лет преподавал английский, информатику, астрономию, математику, но именно в родной школе, став физиком, обрёл своё место. Что ещё нужно для счастья? Быть на своём месте, любить дело, любить детей, раскрывать их потенциал. Даже если в современном мире это почти никто не ценит...

Он часто повторял слова Гоги из фильма «Москва слезам не верит»: «Люблю свою работу, потому что, когда я туда прихожу, там начинает крутиться то, что без меня не крутилось». Опыты, лабораторные, подборки фильмов, рассказы об учёных-физиках — это была его любовь.

Холодным вечером он был дома. Вокруг бегали дети. У него был свой кабинет, но в тот день он не пошёл туда:

сел в зале, открыл серебристый ноутбук и устало посмотрел на ворох непрочитанных писем. И вдруг — мысль, острая и неожиданная: нужно двигаться вперёд. Он снова открыл письмо о конкурсе, прочитал всё внимательно. Взгляд зацепился за направление «Современная энергетика». Глаза заблестели.

— Почему нет?! — вырвалось у него. — Хочу всё изменить!

Жена устало кивнула, не отрываясь от своих дел. Он продолжал, уже распаляясь:

— В школе мрак... Учебников нет, в кабинете — пустота. Всё сложно. Надо всего достигать и добиваться самим.

Глава 2. Искра

Утро вторника выдалось хмурым, сыпал мокрый снег. Но настроение у него было приподнятым, он горел идеей. Едва подъехав к школе, он быстро поднялся в кабинет к коллеге, Дмитрию, и с порога выпалил:

— Я буду участвовать в этом конкурсе! Под лежащий камень вода не течёт.

Это была одна из его любимых фраз. Идея уже оформилась: привлечь к проекту всех отличников с седьмого по десятый класс. «Кто-нибудь да выстрелит», — думал он. Престижно было бы выйти в финал и поехать в «Сириус», в Сочи.

Дмитрий, домосед, не любящий перемен и уверенный, что изменить ничего нельзя — ни в школе, ни в этом городе, — отнёсся к затее равнодушно.

— Зачем тебе это? — спросил он.

— Надо! — отрезал Виталий.

Он не любил быть в тени. Ему нужно было сиять: статьи в газетах и интернет-изданиях, приглашения на телевидение. Это питало его самолюбие и давало силы двигаться вперёд.

В следующие дни он предложил лучшим ученикам поучаствовать в научной затее. Согласилось десять человек. Он назначил время, собрал всех потенциальных конкурсантов и вывалил перед ними список тем, проработанных накану-

не до глубокой ночи. Он перерыл гигабайты материала, выделив самые актуальные проблемы региона. Энергетика, информатика, экология... В группу вошли девочки и три мальчика.

По вечерам он засиживался за ноутбуком: изучал материалы, читал, оформил доступ к известной нейросети. Работа кипела.

Приближался Новый год. Четверть подходила к завершению. Он напоминал ученикам о сроках, отправлял материалы и «полуфабрикаты», сгенерированные искусственным интеллектом. Но дело шло со скрипом. Современным детям трудно доводить работу до результата, даже когда в руках есть все инструменты. Проект — это не пересказ материала, а итог самостоятельной работы.

Четверть закрыли. Коллектив не собрался даже на корпоратив. Было скучно и обидно. Они работали как механизм: каждый — шестерёнка в часах, но сам механизм давно требовал настройки. Чтобы стать единым целым, нужно неформальное общение. А без него...

Каникулы. Новый год! Семья.

Чернобыльская хроника

II. Малые нарушения

Четвёртый блок. Испытание на пониженной мощности.

Инструкции не исчезают сразу.

Они сперва становятся неудобными. Потом — мешающими. Потом — формальными. Потом человек уже не нарушает их, а будто обходит: чуть-чуть, временно, ради дела, ради результата, ради того самого большого смысла, который всегда кажется важнее маленького запрета.

На четвёртом блоке испытание переносили. Менялись условия. Снижали мощность, поднимали, удерживали, снова снижали. Реактор не был человеком, но, если бы у него была память, он запомнил бы эту ночь как ночь нетерпения.

Сергей, молодой инженер смены, несколько раз смотрел на часы. В его блокноте между цифрами и пометками лежала фотография дочери: девочка в школьном банте, смешная, серьёзная, похожая на маленького судью. Он сунул фотографию глубже в карман халата, будто боялся испачкать её этой ночной усталостью.

Никто из них не был чудовищем. Они были людьми на работе. И именно это делало происходящее страшнее: катастрофа шла не через злую волю, а через привычку, спешку и уверенность, что инструкция всё равно где-то рядом и в

нужную минуту защитит.

Вода шла через активную зону. Пар рождался там, где тепло встречалось с давлением. Графит молчал. Топливо молчало. Приборы показывали цифры, а цифры опасны тем, что кажутся яснее жизни.

Люди смотрели на стрелки.

Стрелки смотрели в ответ.

Никто не видел главного: внутри системы уже сложилась такая комбинация обстоятельств, при которой малое действие могло стать большим. Слишком низкая мощность. Слишком много уверенности. Слишком сильная привычка думать: если станция вчера слушалась, то и сегодня послушается.

Катастрофа редко приходит как чужой зверь из леса. Чаще она вырастает из собственных рук.

Из знакомых кнопок.

Из привычных слов.

Из фраз: «ничего страшного», «потом исправим», «главное — закончить».

В ту ночь реактор ещё не взорвался.

Он просто перестал быть простым.

Так и человек, подходящий к своей внутренней аварии, сперва не кажется разрушенным. Он даже становится лучше: выпрямляет спину, покупает новую рубашку, начинает худеть, улыбается, говорит вдохновенно, зажигает детей на уроках. Все видят энергию и не сразу понимают, что энергия

бывает разной.

Есть свет лампы.

А есть свечение радиоактивно загрязнённого металла.

Снаружи они могут быть похожими.

Чернобыльская хроника

III. Записка о хлебе

Припятъ. 25 апреля 1986 года. Ночь.

Нина проснулась за несколько минут до будильника.

Так бывает у медиков: тело само знает смену раньше часов. За окном ещё была ночь, но не глубокая, не зимняя, а весенняя — с той зыбкой прозрачностью, когда темнота уже не кажется вечной. На кухне пахло вчерашним чаем, детским печеньем и лекарством от кашля, которое Артём отказался пить вечером.

Она тихо прошла по коридору, чтобы не разбудить сына. Дверь в детскую была приоткрыта. Артём спал поперёк кровати, как всегда, сбив одеяло ногами. Рядом лежала машинка без одного колеса. Павел обещал починить её утром.

«Если не забудет хлеб», — подумала Нина.

На столе всё ещё лежала записка:

«Паш, купи утром хлеб».

Обычная бумажка. Обычные буквы. Самая простая просьба, на которой держится семейная жизнь: купи хлеб, заberi ребёнка, закрой окно, не забудь ключи, позвони, когда закончишь смену.

Катастрофы не любят такие записки. Они приходят в мир, где люди ещё варят суп, глядят школьные банты, ругаются

из-за пустяков, планируют выходные и думают, что завтра будет продолжением вчера.

Нина налила воду в чайник, но не включила. Прислушалась.

Гул станции был привычным. Он жил за городом, как большое механическое сердце. Припять давно научилась спать под этот звук. Люди привыкли к нему так же, как привыкают к дыханию рядом спящего человека. Если оно есть — значит, всё в порядке.

Павел должен был вернуться утром. У него была ночная смена. Нина представляла, как он войдёт, пахнувший дымом, холодом и мужской усталостью, с хлебом под мышкой, поцелует Артёма в макушку и скажет:

— Машину твою почию, командир.

Она улыбнулась этой мысли.

Потом зачем-то подошла к окну. Вдалеке станция светилась ровно. Спокойно. Даже красиво.

Именно это потом будет мучить её сильнее всего: ничего не предупреждало. Не было чёрного неба, сирены, крика, предчувствия. Был обычный город. Обычная женщина на кухне. Обычный ребёнок за стеной. Обычный муж на дежурстве.

Нина не знала, что через несколько часов слово «обычный» исчезнет из их жизни навсегда.

Глава 3. Семья

Несколько лет назад они вернулись в родной Краснодар, который когда-то пришлось покинуть из-за боевых действий. Долго работали педагогами на Западе Сибири. Там в их семье появились две младшие дочери — Дарья и Катя. Всего дочерей было три. Старшая, Анна, жила с бабушкой и дедушкой. Дедушка умер. Пожилые прадед и прабабка тоже требовали ухода. Когда регион вошёл в состав России, они решили возвратиться. Вскоре не стало и прадеда. На плечи Виталия — единственного мужчины среди жены, дочерей, мамы и бабушки — легла вся тяжесть ответственности. Он пытался тянуть два дома, но всё двигалось с трудом. В городе были перебои с водой, цены в магазинах казались заоблачными.

Он зарабатывает достаточно, но жене Елене всё равно пришлось год назад выйти на работу в банк. Они получили льготу как многодетная семья. В браке почти семнадцать лет. Даша и Катя ходят на каратэ, участвуют в соревнованиях, поют в центре культуры. Старшая Анна учится на первом курсе медицинского колледжа, на фельдшера скорой помощи. Летом семья выезжает на море. Почти счастливы... Они участвовали во всероссийском конкурсе «У нас это семейное», стали победителями федерального этапа и вышли в финал, который пройдёт в Москве. Главный приз — пять

миллионов рублей.

Они — династия педагогов. Все взрослые в семье были связаны со школой: кто-то работал там, кто-то учился, кто-то возвращался туда как к месту силы. Проблемы решали вместе, преодолели многое. Но жизнь давно стала привычной схемой: работа — дом, короткие разговоры, усталость, выходные с шашлыком и спиртным. Вроде бы вот оно, счастье, — но всё приелось. Супруги всё чаще жили рядом, а не вместе; отец всё чаще чувствовал себя обязанностью и кошельком. Здоровье уходило: сто тридцать килограммов, тяжесть в теле, равнодушие к собственному виду. Всё как у всех...

И вот подступает сорок лет. Он не хочет покоя, но ничего не может с этим поделать. Пламя в их глазах гаснет. Друзей мало, а те, что есть, — ненадёжные. Всё больше семья скучает по Западной Сибири, по тем девяти годам, когда они побеждали в конкурсах, имели авторитет, настоящих друзей. Краснодон с его нерешенными проблемами и бесконечным переходным периодом угнетает. Но вроде бы счастливы... Но...

Глава 4. Друзья

По возвращении в Краснодон настоящих друзей у Горловых почти не было. Соседи, Ткачёвы, хорошими друзьями не стали. Мелочные, циничные, всегда ищущие выгоду. Выпить с ними на праздник, попеть спьяну на караоке — пожалуйста. А вот когда Виталий попросил помочь вымостить двор камнем, Геннадий Ткачёв сделал часть и бросил. Всё прошлое лето Виталий напоминал, а воз и ныне там — отмазки и обещания. Хотя Виталий и Елена помогали им бескорыстно, он был классным руководителем у их сына. Чувствовалось небезразличие, но не дружба.

На работе — множество знакомых. Но это просто коллеги. С ними не поделишься сокровенным, не выслушают, не дадут совета. У Елены была коллега Алина, вроде сблизилась, дети в один класс ходят... но оказалась ветреной, уехала в Москву. У Виталия в школе — Дмитрий, но тот домосед. Виталий не раз приглашал его с семьёй на шашлыки, даже на новогодний корпоратив — одним из первых отказался.

По-настоящему близкий человек — соседка Вера, медсестра в пригородной больнице. Виталий помогает ей по хозяйству, она одинока. Они кумовья, выросли вместе. Считай, родственница. Всегда внимательна к детям, к семье. Настоящая, бескорыстная. Всегда готова помочь. Это не то, что Тобольск, где осталось много настоящих друзей...

Катя и Даша ходят в многочисленную секцию каратэ. Там дети всех известных людей города, и те, чьи родители хотят развивать их потенциал. Туда же ходит и лучшая подруга Дарьи — Алина Романова. Однажды после секции Игорь Романов, отец Алины, попросил Виталия продать и посадить несколько виноградных саженцев. У Горловых было хобби — они выращивали превосходный виноград на своём участке. Виталий согласился, помог, рассказал, как ухаживать.

Игорь был немного младше Виталия, но они помнили друг друга ещё со школьных лет, когда менялись кассетами «Сектора Газа» и «Руки Вверх». У Игоря тоже многодетная семья: жена Татьяна, дочери Маргарита (четырнадцать лет, ученица Виталия) и десятилетняя Алина, и маленький сынишка Павлик. Игорь с Татьяной работали промоутерами, иногда он ремонтировал автомобили, но постоянства не было. Когда Игорь отвозил Виталия домой, они разговорились и договорились дружить семьями.

«Старый знакомый, такой же, как я, — думал Виталий. — Может, будет настоящим другом... Почти ровесник, будет с кем поговорить...»

На зимние каникулы, второго января, Виталий пригласил семью Романовых в гости. Горловы приготовились: стол ломился от угощений, русское гостеприимство было щедрым. Виталий не парился о внешнем виде: вышел встречать гостей на мороз в шортах и футболке. Татьяна Романова удивлённо посмотрела на его одежду, но ему было всё равно. Го-

сти привезли конфеты, шампанское. Дети играли, взрослые выпивали, пели на караоке, говорили о проблемах. Игорь, кстати, абсолютно не пил. Виталий выпил много, но гостей проводил, даже хлопнули хлопушку на прощание. Всё было хорошо! Новые друзья!

Они приезжали и в Рождественский сочельник, шестого января, уже в дом к маме. Виталий снова много пил. За столом говорили о семье, о детях, о продолжении рода. Маргарита, старшая дочь Игоря, сидела рядом и участвовала во взрослых разговорах. Отличница, танцы, ясная речь, уверенность — всё в ней казалось старше возраста. Именно это и было опасно: взрослость звучала в словах, но не отменяла того, что перед ним была ученица.

Глава 5. Электричество

Каникулы кончились. Третья четверть. Проекты двигались со скрипом, но он был настроен позитивно. Из десяти заинтересовавшихся осталось двое: Маргарита Романова и её подруга Полина, восьмиклассницы. Они стали приходить к нему в кабинет ежедневно, каждую перемену, поднимаясь на четвёртый этаж, в тупиковую башню, где ютился кабинет физики.

Был обычный рабочий понедельник. Подходил срок регистрации проектов. Девочки отпросились с истории и сидели над презентациями за его ноутбуками. Ему нравилось, что хоть кому-то это нужно. Он разрешал им работать в подсобке, даже когда сам вёл уроки, и угощал чаем. Маргарита чай не любила, и он специально купил для неё капучино — новинку на рынке.

В тот день она сделала несколько снимков для своего Telegram-канала прямо в подсобке, ловя отражение в зеркале. На перемене сказала, что хочет оформить альбом, нужно распечатать фото. Виталий предложил помочь: у него был новый цветной принтер и фотобумага. Она была счастлива сэкономить деньги.

В тот день объявили, что школа переходит на дистанционное обучение. А ещё несколько раз выключался свет, а под конец рабочего дня скакнуло напряжение. Школа ста-

рая, проводка старая — большая часть его личного оборудования сгорела. День был омрачён и другим: умерла мама его коллеги, бывшего классного руководителя, которая когда-то преподавала у него математику и ИЗО. Похороны — завтра.

Школа опустела, дети на дистанте. Он собирался на похороны. А ещё он неделю назад позвонил в местную газету — рассказать о новом оборудовании в кабинете физики, о проектах, о научном клубе, о кружке робототехники. Статья приурочена ко Дню науки. И именно сегодня, после похорон, должен прийти журналист. Должны подойти и дети для фото и интервью.

На похоронах было горько. Ушёл хороший человек. В кафе на поминках он выпил несколько рюмок водки и вернулся в школу. Она уже ждала его... Он отдал распечатанные фотографии. Рассказал, что всё в кабинете сгорело, но он уже всё заменил, починил. Они начали обсуждать проект, и вдруг его словно пронзила молния. Он смотрел вдаль, но ему казалось, что свет снова моргает, что снова перепад, что сейчас 380 вольт пробьют насквозь. Она смотрела на него и не понимала, что случилось. Почему он завис?..

«Я не могу объяснить, что это было. Но это было...»

Стали подходить другие дети, пришла журналистка. Он вместе с Дмитрием дал интервью, сделали общее фото. Но он порекомендовал журналистке взять интервью и у Маргариты. Договорились встретиться через день. Но в нём уже тогда начинались необратимые процессы... Он стал другим.

Чернобыльская хроника IV. Пульта

Блочный щит управления. Ночь с 25 на 26 апреля 1986 года.

В блочном щите управления было светло.

Свет там был особенный: служебный, безжалостный, не оставляющий места тайне. На таком свете лица выглядят усталыми, а руки — чужими. Человек может быть опытным, может знать оборудование, может годами работать с цифрами и схемами, но в критическую минуту перед ним всё равно оказывается не вся система, а только её приборная панель.

Кнопки.

Сигналы.

Доклады.

Решения.

Реактор был за стеной. Его нельзя было увидеть целиком. Как нельзя увидеть целиком чужую душу, собственную зависимость, будущую боль жены, страх ребёнка, слухи в коридоре, разорванную семью, заявление на увольнение.

Сергей видел только показания. Числа казались честнее людей: они не спорили, не плакали, не просили. Но в ту ночь даже числа начинали говорить разными голосами. Одни требовали продолжать испытание, другие будто просили остановиться, и человеческий мозг выбирал тот голос, который позволял довести дело до конца.

Человек всегда смотрит на пульт — на то, что близко, что светится сейчас.

Сообщение пришло.

Глаза ответили.

Она улыбнулась.

Он почувствовал себя живым.

На пульте это выглядело бы как небольшое отклонение стрелки.

Именно поэтому первые тревожные признаки легче всего принять за норму.

В ту ночь на станции тоже ещё можно было сказать: система работает. Люди на местах. Испытание идёт. Отклонения допустимы. Всё под контролем.

Но контроль — странное слово.

Оно часто звучит громче всего именно тогда, когда его уже нет.

Чернобыльская хроника

V. Слово «остановимся»

Четвёртый блок. Блочный щит управления.

Сергей смотрел на приборы и ловил себя на том, что перестал понимать, чему верит больше: цифрам или голосам людей.

Цифры менялись. Люди объясняли.

Объяснения всегда приходили быстрее страха. Так устроен человеческий разум: он не любит пустоты. Там, где должна возникнуть тревога, он поспешно ставит привычную фразу: «Ничего страшного». Там, где нужно остановиться, он шепчет: «Ещё немного». Там, где надо признать ошибку, он предлагает другое слово: «особенность режима».

Сергей был молод, но не глуп. Он чувствовал, что ночь идёт неправильно. Не катастрофически — нет. До слова «катастрофа» ещё нужно было дорасти. Пока всё выглядело как сложная смена, как нервный эксперимент, как усталость, как цепь мелких отклонений, каждое из которых по отдельности ещё можно было объяснить.

Он достал из кармана фотографию дочери.

На снимке она стояла у школьной доски с букетом астр. Первый класс. Большой белый бант. Серьёзный взгляд. Она тогда спросила его:

— Папа, а ты работаешь там, где делают электричество?

— Да, — ответил он.

— Чтобы у всех был свет?

— Чтобы у всех был свет.

Эта фраза теперь почему-то ударила сильнее, чем показания приборов.

Чтобы у всех был свет.

Сколько человеческой гордости помещается в этих словах. Сколько права на риск человек сам себе выдаёт, когда считает, что делает важное дело. Ради света. Ради плана. Ради испытания. Ради результата. Ради будущего.

Сергей снова посмотрел на пульт.

Ему вдруг показалось, что приборы не показывают состояние реактора. Они показывают состояние людей вокруг него: усталость, раздражение, упрямство, страх потерять лицо, нежелание признать, что процесс ушёл дальше, чем они думали.

В этом была главная ошибка: они смотрели на реактор как на машину, а он уже стал ситуацией.

Ситуации опаснее машин. Машину можно выключить. Ситуация успевает втянуть в себя людей, их амбиции, их страхи, их должности, их привычку подчиняться, их желание довести начатое до конца.

Сергей хотел сказать:

«Остановимся».

Но слово не вышло.

Оно застряло где-то между горлом и ответственностью. Он был не один. Были старшие. Были инструкции. Был режим. Было испытание. Была та невидимая сила, которая заставляет человека молчать именно тогда, когда молчать нельзя.

Потом он ещё много раз будет вспоминать эту секунду.

Не взрыв.

Не кнопку.

Не жар.

Не крик.

А именно эту маленькую, почти незаметную секунду, когда слово «остановимся» ещё могло быть произнесено.

И не было.

Глава 6. Волна

На следующий день он проснулся другим. Принял душ под современные песни молодёжи, чего не делал никогда. Чисто выбрился, почистил зубы. Подошёл к зеркалу и спросил у отражения: «Молодость, где ты?». Дети собирались в школу, жена суетилась. Он взял пакетик с овсянкой, аккуратно высыпал в тарелку. Жена удивилась.

— Не хочу быть таким... — только и сказал он.

Он достал из шкафа флакон духов, который ему дарили, но он не пользовался ими. Фирменный запах. Ему захотелось пахнуть.

Он приехал в школу. Прогулялся по коридорам — внутри разгорался огонь от той искры, что проскочила вчера. Поднялся в кабинет. На ноутбуке — папка «Романова», с теми самыми фотографиями. Он открыл её и разглядел на снимке её красивые зелёные глаза, нежную улыбку. Кровь закипала, что-то внутри взорвалось и полыхало, словно порох. Настроение было превосходным.

В десять часов совещание при директоре. Он пришёл с иголки, благоухая, излучая необъяснимую энергию. Рядом села коллега, учитель математики Марина. Они смеялись и шутили над вопросами совещания.

— Что с тобой? — шёпотом спросила она.

— Весна! — ответил он. Хотя за окном был январь.

В тот день его будто подменили. Он пошёл в магазин и купил продукты для здорового питания. Ходил по торговому залу, точно зная, что ему нужно, словно всю жизнь так питался. Забрал детей из школы, отвёз на секцию, заехал за женой. И вот ужин. Он ест здоровую пищу! Обычно за столом он включал детективный сериал «След» или политические ток-шоу. Но не сегодня.

— Хватит негатива и пропаганды! — сказал он и переключил на развлекательный канал. Все за столом растерянно переглянулись.

После ужина он сел за ноутбук, поработал. А потом выкатил беговую дорожку, которая годами простаивала, надел кроссовки и пошёл. С каждым шагом дышалось легче. «Какая она! Мы поедem в „Сириус“, а я такой... надо бежать, надо быть таким, чтобы меня не стыдились! Даже дочь Даша стесняется меня из-за внешнего вида!» Кровь кипела, энергия была ключом. Он шёл и шёл. Потом рухнул на пол, уставился в потолок. «Как это круто!» В голове возник образ Маргариты. Барьеры рухнули. «Мы победим во всех конкурсах! Я научу её! Она будет звездой!» Он начал качать пресс — десять, двадцать, тридцать раз — пока не обессилел. И сквозь потолок видел звёзды. Ему казалось, что это невероятно! Домашние были в шоке. «Папа сошёл с ума», — констатировала Дарья. Катя смотрела, широко раскрыв глаза. Елена сказала: «Давно пора!», не придав значения.

Он не понимал, что с ним, но ему нравилось. Он снова

испытывал настоящие эмоции. Он уже забыл, что это такое.

Ночью написал Маргарите в Telegram, что ждёт их с Полиной к десяти утра. Будут загружать проекты. Утро. С иголочки. Овсянка. С собой — правильная еда. Весь пахнет. Едва войдя в школу, он, казалось, наполнил её светом. Влетел к Дмитрию: «Давай поедem на соревнования по робототехнике! Пора!». Дмитрий угрюмо согласился. Виталий открыл сайт «Кубок РТК»: 1–2 марта, Казань. Времени мало. «А давай возьмём Маргариту, она справится!».

Десять часов. Он слушает шаги на лестнице. Они идут. Заходят. Он счастлив их видеть. Маргарита принесла альбом и хвастается, как оформила его стразами и наклейками. Показывает ему и Полине. У него перехватило дух. Вот он — первый результат, первая точка соприкосновения: альбом, где её жизнь и его труд.

Они дорабатывают презентацию, регистрируются, загружают проект. Вторая точка. Он будто невзначай предлагает ей собрать робота, ходить на кружок. А сам понимает: у неё нет выбора. Она будет моя. И она, конечно же, соглашается. Это точка невозврата.

Полина ничего не замечает. Но для Виталия всё изменилось. Он включает клип Slot «Круги на воде». Музыка попадает в нерв. Она понимает слова, несмотря на свои четырнадцать, и это тревожит сильнее, чем восхищает. Он смотрит в её зелёные глаза и опасно принимает подростковую открытость за знак судьбы. Он ловит её волну, как радиоприём-

ник, подстраивается — и сам уже понимает: с ним происходит что-то ненормальное.

В машине он слушал то, что никогда не слушал. Очень громко. Давил на газ, ехал резко, дерзко, быстро. Мотор ревел. Вечером написал ей в Telegram: «Давай встретимся, пособираем робота и посмотрим фильм. Тебе понравится». Она: «А попкорн будет?». Он: «Я же физик — я волшебник». Выбрал два фильма: «Толстяк на ринге» и «Охранник для дочери». Рано утром объехал несколько магазинов, купил и сладкий, и солёный попкорн.

Пятница. Школа пустует. Они договорились на 8 утра. Он уже на месте, слушает шаги. И вот она — молодая, красивая, спортивная, умная, заинтересованная.

— Доброе утро!

Это было то самое утро, когда они впервые были вместе несколько часов. Делали робота, шутили, смеялись, смотрели «Толстяка на ринге» (она выбрала его, и у него отлегло от сердца), ели солёный попкорн. Он боялся показывать ей «Охранника для дочери» — фильм о любви взрослого к школьнице. Они были вместе...

Чернобыльская хроника VI. Разгон

Активная зона. Последние минуты до взрыва.

В активной зоне начался процесс, которому не было дела до человеческих объяснений.

Паровые пустоты увеличивали реактивность. Реактивность увеличивала мощность. Мощность рождала ещё больше тепла. Тепло рождало ещё больше пара. И всё это происходило быстрее, чем человек успевал поверить в происходящее.

Сергей почувствовал не страх — сначала только раздражение. Так бывает, когда привычная машина вдруг начинает отвечать не тем тоном. Он наклонился к прибору, переспросил доклад, услышал короткое: «Есть рост». В этих двух словах ещё не было ужаса. Только факт. Но факт уже был тяжелее человеческого желания его объяснить.

Есть состояния, которые развиваются нелинейно.

Сначала день похож на день. Потом всё ускоряется. Потом мысли уже не идут — несутся. Потом человек не принимает решения, а догоняет собственное падение. Он ещё говорит себе: «Я остановлюсь». Ещё верит, что в любую секунду может вернуть всё назад. Но внутри уже работает другая математика.

Математика разгона.

Реактор не ненавидел людей. Он не хотел взрываться. Он

просто отвечал на условия, в которые его поставили. И в этом была самая страшная правда: катастрофа не нуждалась в злой воле. Ей хватило сочетания ошибок, самоуверенности, конструкции и момента.

Так и зависимость, принятая за любовь, не нуждается в злодействе.

Достаточно усталого брака.

Достаточно сорока лет на пороге.

Достаточно ученицы, которая смотрит с доверием.

Достаточно взрослого человека, который говорит себе: «Я ничего плохого не делаю».

Достаточно музыки.

Достаточно ночной переписки.

Достаточно того, что граница стала видимой — и всё равно была пересечена.

Вода кипела.

Графит молчал.

Стрелки не успевали быть предупреждением.

Глава 7. Связь

Вечером он написал ей простое, лёгкое: «Спокойной ночи». Она ответила взаимностью. Но ту ночь они почти не спали. Четыре часа сообщений: он рассказывал о себе, она — о себе, они узнавали друг друга. Она хотела всё больше и больше. Договорились встретиться в понедельник.

Выходные он провёл дома: спорт, правильное питание, дети. В субботу вечером включил мини-сериал «Мастер и Маргарита». Жена сидела рядом, но не с ним. Он был где-то далеко, переписываясь со своей Марго. Жена заметила, что он не выпускает телефон, что его эмоции и реакции на фильм — другие. Его любимый роман, его любимый фильм... Теперь он смотрел его под другим углом. После заявил, что утром пойдёт в церковь, и написал об этом Маргарите.

— Ты не встанешь в семь в выходной, — усомнилась жена.

— Я чёрт, после меня надо идти, — написала Марго.

— Может, дьяволица? — спросил он.

— Нет, чёрт — он, — ответила она. На её аватарке в Telegram была девушка с рогами и хвостом, всё в красном. Спать он лёг поздно. Они узнавали друг друга всё глубже, вызывали эмоции, эмоции выходили из-под контроля. Это был сильнейший наркотик. Он открывал ей тайны, о которых не знал никто. Она получала дозу взрослости, дозу опы-

та, знаний, глупости, а он — дозу молодости.

— Мама называет меня психичкой, — призналась она.

— А я сумасшедший учитель. Неделю назад и подумать не мог, что буду так общаться со своей ученицей.

Утро. Он проснулся без будильника в шесть, принял душ, оделся и пешком пошёл в церковь. Дороги как каток, ледяной дождь, но он шёл быстро, не боясь упасть. У церкви увидел, как солнце восходит над куполом. Трижды перекрестился и вошёл. Внутри почти никого. Купил три свечи. Подошёл к алтарю, прочитал молитву. Первую свечу поставил за семью Романовых, перечислил всех по именам. Вторую — за свою семью. Третью — за упокой отца и деда. Началась служба. Он слушал и мысленно просил Бога наставить на путь истинный, понимая, что происходящее не укладывается в голове нормального человека. Ему тридцать девять — ей четырнадцать. Он учитель — она ученица. У него семья... У иконы Девы Марии у него возник её образ, и он заплакал. Слезы катились одна за одной. Что происходит? Срыв...

Выйдя из церкви, он подал нуждающемуся двести рублей, сфотографировался на фоне храма и отправил фото ей: «Доброе утро!». Шёл по скользкому городу, в наушниках играла Арбенина — «Бог ушёл». Зашёл на рынок, купил овощей и фруктов. И везде, где бы он ни появлялся, у людей возникали положительные эмоции, они улыбались в ответ на его шутки. Он излучал невидимую энергию, заражая всех.

Они снова переписывались. Между ними уже возникла

эмоциональная связь, работающая без телефона и Telegram. Ей плохо — ему тоже. Ему хорошо — и ей. В разных концах хмурого города. Потом — дом, маска обыденности для всех.

Он мечтал о работе, о завтрашнем дне, о кружке, о роботах, о ней... Только бы увидеть. Он убеждал себя, что в этом нет ничего дурного: она — ученица, он — учитель, просто рядом быть, просто слышать голос, просто видеть интерес к делу. Но уже сама необходимость так настойчиво оправдываться показывала: граница стала видимой, а значит, её уже начали нарушать.

Глава 8. Говори со мной...

Вторая неделя дистанта. В понедельник она пришла с Полиной. Он рассказывал о соревнованиях, о футболках. «Надо новые», — сказала она. «Разработай дизайн», — предложил он.

Кружок робототехники был через день. Она приходила вместе со всеми, но ей он позволял всё. Другие дети ревновали: только она пила капучино, только она включала умную колонку. «Алиса» играла её музыку — о любви, о чувствах, о ревности и нежности. Ему это нравилось. Они были на одной волне.

Подходила пятница. «Ну что, фильм?» — спросила она. В тот день была апробация ЕГЭ, но он не участвовал. Они должны были встретиться в два, позаниматься, а потом, как он уже успел себе представить, остаться наедине. Еле выпроводив всех, он отвёз домой Матвея и вернулся. В машине играла музыка о любви, и Матвей, кажется, начал догадываться. Несмотря на отчёты, Виталий задумал устроить для ученицы слишком личную, слишком взрослую сцену. Он вылетел из школы, заказал роллы, купил свечу и стаканчики. Летел на бешеной скорости, чуть не сбив мальчишку на переходе. Стало страшно. Но даже страх не остановил его.

Он вбежал в пустую школу, тихо поднялся. Приоткрыл дверь и заглянул в щель. Играла громкая музыка —

Holidayboy, «Пожары». Она сидела на подоконнике, взобравшись с ногами, окно настезь, за окном падал снег. Она жадно ловила снежинки губами. Он вошёл:

— Зачем?! Заболеешь же!

Подошёл, демонстративно закрыл окно. Она спрыгнула. Он поддержал её.

— Говори со мной...

— Давай смотреть фильм! Только ты не думай обо мне плохо.

Он быстро принёс роллы и стаканчики. Разложил всё на парте. «Чего-то не хватает», — сказал и зажёл свечу, выключив свет. Уже в этот момент любой взрослый человек должен был остановиться. Но он включил фильм, стараясь поразить её, сделать то, чего, как ему казалось, никто для неё не делал. Фильм... «Охранник для дочери». Она выбрала палочки вместо вилки, улыбнулась — и от этой обычной подростковой радости ему стало ещё труднее признать: происходящее недопустимо.

Она смотрела фильм, временами смущалась, временами оживлялась, а он следил за каждой реакцией слишком пристально. После фильма спросил: «Ну как?» Ответа почти не было, но он и не ждал его: ему хотелось считать, что всё прочитал в её глазах. Потом включил медленную песню и пригласил её танцевать. Она сомневалась. Они сделали несколько неловких шагов у доски, и он впервые остро почувствовал не счастье, а опасность: между ними стояла не романти-

ка, а школьная доска, пустой кабинет и его ответственность взрослого.

Маргарита могла улыбаться, спорить, провоцировать, казаться смелой и взрослой. Но это ничего не меняло. Ребёнок не обязан удерживать границу, которую обязан удерживать педагог. Её согласие не снимало с него ответственности; её доверие, наоборот, делало эту ответственность тяжелее.

Пора домой. Он вспомнил, что отдал ключи от машины жене, чтобы та отвезла детей на каратэ. «Родители уехали в Ростов за колёсами. Меня некому забрать», — сказала Маргарита. Прежде чем выключить панель, он включил клип Reflex «Говори со мной». Они смотрели, не отрывая взглядов.

Вышли, погасив свет. В школе темно, только в кабинете информатики свет — Дмитрий отправляет отчёт. Они быстро побежали на третий этаж и спустились по другой лестнице, адреналин нарастал. На первом этаже мимо кабинета завуча, где была открыта дверь, прошмыгнули незаметно. Вышли во двор. Мысль вызвать такси отпала. Она без шапки. «Заболеешь», — сказал он. «Нет. Уже...» — ответила она.

Они шли по холодному городу, светясь, разговаривая. Проходя мимо отделения полиции, он выпалил: «Мне надо туда, отведи меня». Она улыбнулась. «Этого не должно быть! Так не бывает! Это неправильно!» — говорил он, держа её за руку. Пришли к её калитке, склонились друг к другу. Шёл снег, дул ветер. «Это безумие. Будет больно, очень

больно...» — произнёс он. Вызвал такси. Машина ехала долго, они говорили о родителях, о том, что её отец — друг. И вот такси.

— Говори со мной! — крикнула она строчку из песни, когда он сел в машину.

— Поехали, — сказал он таксисту.

— Куда?

Он не мог вспомнить адрес. Он не хотел уезжать. Ему хотелось просто быть с ней. Потом резко пришёл в себя: «Челюскинцев, 105». Он чувствовал взаимность, и для него это было что-то невообразимое...

Глава 9. Другой

Он вошёл в дом к маме. «Ты похудел», — констатировала она. «Да, — сказал он, вставая на весы. — Минус десять килограммов за две недели». Мама радовалась его преобразению, обещала купить морепродуктов и новой одежды. Он сиял, но намекнул, что это не просто так... Мама не поняла.

В субботу они отправились за одеждой. В известном магазине как раз были распродажи. Он купил самые модные и красивые вещи. Чувствовал, как возвращается молодость. Он хотел быть объектом обожания всех: учеников, учителей, родителей. Спорт продолжался. Основной мотив — Она.

В воскресенье он снова пошёл в церковь. Просил Бога о том же, но уже не плакал. Первая свеча — за неё и её семью. Потом — за свою, и за упокой. Был щедрым, оставил пожертвование. Выйдя, увидел троих просящих милостыню, отдал всю наличность. «Руке, подающей пусть воздастся», — мысленно произнёс он.

Все выходные — переписка в Telegram. Он отправлял фото, она записывала кружки. Они чувствовали друг друга. Он рассказывал всё, и она раскрывалась: о семье, о том, что любит отца, но тот переключился на маленького братика. Ей не хватало его любви и ласки, только банальное «отвезу-заберу». Никакого «проведу время, поговорю». Дефицит внимания и общения. Он отвечал тем же: о жене Елене, об от-

сутствии общих тем, об обыденности и привычке. Он делал вывод: то, что происходит, — от этих дефицитов.

Понедельник. Он ворвался в школу в новом облачении. Стрижка, седина закрашена, туфли блестят, аромат духов наполняет коридоры. Походка уверенная, он не шёл — порхал, как ночной мотылёк. У Дмитрия не оказалось на месте. Поднялся к себе. Дети, уже пришедшие на урок, были поражены. «Разговоры о важном» прошли легко и необычно — столько эмоций они не видели никогда. На перемене он сказал: «Алиса, включи мою волну». Заиграл Цой — «Перемен». Он ждал её шагов. Следующая композиция — МакСим, «Вдоль ночных дорог». Он почувствовал, что она рядом.

Она вошла с Ярославой. Взгляды, загадочные разговоры... Ярослава почувствовала себя лишней, звала на историю, но Маргарита осталась, ушла в подсобку: «Буду дорабатывать проект». «Ты что, уже уроки прогуливаешь, как в „Охраннике для дочери“?» — спросил он. «Нет, я просто знаю этот предмет», — ответила она. Спорить было бесполезно. Она хозяйничала вовсю. Он был поражён, но ему это нравилось.

Пришёл класс на физику, она скрылась в подсобке, откуда через монитор могла видеть всё, что происходит в кабинете. Он блистал. подача материала изменилась до неузнаваемости. Он готовился к каждому уроку так, будто она всегда будет за ним наблюдать. Дети из 8 «Б» были в восторге. Он вставлял в речь мемы, формулы плясали, он шутил, журил

и хвалил, а самые толковые мысли встречал фразой: «Пять баллов сходу!». Он был счастлив, и эти флюиды заражали всех.

В «окна» он спускался вниз, гулял по этажам. Девчонки шептались, мальчишки спрашивали: «Что с ним?», учителя сплетничали. Он кожей чувствовал все взгляды. Это тешило самолюбие. Впервые он познал смысл фразы: «Полюби себя — и тебя полюбят».

Зашёл к Дмитрию: «От движения первых можно поехать в Пермь в середине апреля». Он уцепился за это. Мозг генерировал идеи. «Романова! — выпалил он. — И проект будет по ядерной энергетике».

Она приходила каждую перемену. Он рассказал о Перми. После уроков он объяснял ей основы ядерных превращений, показывал научные передачи. Потом убежал за своими детьми. Гормоны зашкаливали. Он знал, что она голодна, заехал, купил ей шаурму. А себе — мидий. «Если я не поем, я умру. Кому нужен мёртвый физик!» — мелькнула мысль. Она была счастлива, когда он передал ей еду. Это были базовые инстинкты...

Глава 10. Разум

Вечером он задумался. Мысли о ней не давали покоя, мысли о жене, детях, любимой работе. Он понимал: всё это может рухнуть как карточный домик.

Он написал ей в мессенджере, что так нельзя. «Соблюдаем дистанцию. Я учитель — ты ученица. Я мужчина тридцати девяти лет — ты ребёнок. Я муж, отец троих детей. Твой отец — мой друг. Всё это не должно происходить». Позвонил за вучу и сказал, что плохо себя чувствует и завтра не выйдет. Впервые за всю его карьеру. Он и правда чувствовал пустоту, провалился в депрессию. Разум в тот вечер преобладал над сердцем. Он остался ночевать у мамы, чтобы присматривать за бабушкой. Но даже тогда он пытался назвать зависимость красивыми словами — чистотой, нежностью, особенной любовью. Так начинался самообман.

Лёжа на большой маминой кровати, он плакал. Плакал о том, чего не может быть, о чём нельзя даже думать. В ту ночь он не спал.

Утром отвёз жену и детей, вернулся домой, не находил себе места. Поехал на рынок и купил две красивые рубашки: бирюзовую и нежно-розовую. Покупки радовали. Решил всё-таки поехать на работу. Поднялся в свой пустой кабинет, включил «Алису», которая пела «Смотри в меня». Он грустил. Он порвал с ней. Но так ждал её...

И вот на лестнице послышались те самые шаги. Она вошла.

— Ты прогулял работу?

— Нет.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Её голос дрожал:

— Это правда? Ты хочешь всё прекратить?

На ней не было лица.

— Зачем ты так? — спросила она, не дождавшись ответа.

— Всё сложно. Тебе четырнадцать, ты ученица, я не могу.

«Глупости не надо делать даже от скуки», — сказал он фразе из фильма «А зори здесь тихие».

Она приблизилась и снова задала этот страшный вопрос. Её губы дрожали, зелёные огоньки в глазах меркли.

Он посмотрел на неё. Разум помрачился, кардиограмма улетела в небо.

В эту секунду он ещё мог поступить как взрослый. Не как влюблённый, не как герой собственной драмы, не как человек, которому хочется быть выбранным, а как учитель, обязанный выдержать границу за двоих. Но он выбрал не ответственность, а восторг от собственной нужности.

— Давай делать глупости! — выдохнул он.

Она словно ожила. Тело её дрожало, он читал в глазах целую бурю эмоций и тревоги. В воздухе висело напряжение. Он понимал, что теряет контроль, поэтому и ответил именно так. Если бы она не пришла в тот день — всё бы закончилось. Но нет. Они снова были рядом, как два мотылька на огонь,

который разгорелся с новой силой.

Чернобыльская хроника

VII. Аварийная защита

Четвёртый блок. Последние секунды.

Кнопка аварийной защиты существует для того, чтобы остановить реакцию.

В этом есть утешительная простота. Если что-то пойдёт не так — нажать. Если станет опасно — прекратить. Если сердце шагнёт туда, куда нельзя, — сказать: «Нет».

Человеку необходимо верить, что у него всегда есть такая кнопка.

Но бывают минуты, когда защита запаздывает.

Не потому, что она не нужна.

А потому, что её вспоминают слишком поздно.

Когда на четвёртом блоке попытались остановить реактор, система уже находилась в состоянии, где привычное действие не дало привычного спасения. То, что должно было погасить процесс, оказалось частью последних секунд перед разрушением.

Сергей успел поднять голову. На долю секунды ему показалось, что тишина стала слишком плотной, как вода перед ударом. Он ещё не подумал о Нине из медпункта, о Павле из пожарной части, о ребёнке в Припяти, который спит с открытой ладонью. Он успел подумать только одно: «Не может

быть».

В человеческой жизни тоже бывает так: он пишет «нам нужно соблюдать дистанцию», но ждёт ответа. Говорит «так нельзя», но хочет, чтобы она пришла. Объясняет себе закон, возраст, семью, профессию, но внутри уже надеется, что запрет будет побеждён не им, а ею. Чтобы ответственность как будто легла не на него.

Самая страшная аварийная защита — та, которую человек нажимает не для остановки, а для самооправдания.

«Я пытался».

«Я предупреждал».

«Я понимал».

Но понимание без поступка — это не защита.

Это последняя лампочка на пульте.

Красная.

Мигающая.

Бесполезная.

Глава 11. Бабочки

Всю неделю она прибегала к нему на каждой перемене. Он ждал её как очередную дозу наркотика, и, если её не было — выходил на поиски. Достаточно было одного контакта глазами.

Приближался День святого Валентина. Он влюблён до беспамятства. Заказал на «OZON» серебряную подвеску, покрытую золотом, в виде атома, и цепочку. Она никогда ничего не просила. Он подумал, что это будет красиво и символично: их проект для Перми — «Ядерная энергетика».

Он менялся на глазах. Коллеги не узнавали. За три недели он сбросил больше двадцати килограммов. Всегда выбритый, в красивых рубашках, светлых джинсах, цепочка на руке, запах духов, сводящих с ума. Уроки проходили «на ура». Он вошёл во вкус, ловил подъём от происходящего. В «окна» гулял по этажам, кто-то из зависти называл его павлином — он не обижался. Заглядывал в библиотеку к своей бывшей учительнице физики, Марине Дмитриевне, делился с ней всем, кроме ЭТОГО. Это было слишком даже для неё.

Маргарита тоже цвела. В одной из переписок он спросил, что она делает. «Бабочек вырезаю и раскрашиваю». «А мне сделаешь?» — спросил он. На следующий день она принесла десятки бабочек. «Давай украсим кабинет». Он принёс лестницу, и они вместе клеили их под потолком, у камер. Он сто-

ял наверху и делал сам, он боялся, что она упадёт с четырёхметровой высоты. Но она не выдержала и наклеила последних сама. Он стоял внизу, держа лестницу с такой силой, что потом несколько дней болели руки. Кабинет преобразился. Школьники сразу заметили бабочек. «Есть человек, которому нравится физик... — сказал он в ответ на расспросы и поправился: — Физика». Оговорка по Фрейду.

На переменах в его кабинете играла музыка о любви, ненависти и страдании. Молодая учительница Анастасия Игоревна заходила и понимала: кабинет наполнен любовью. Любовью ко всему: к детям, к миру. Это было волшебно, как свет среди рутины. Даже в столовую он спускался с наушником в ухе, наслаждаясь мелодиями. Входил в столовую как на подиум.

Соревнования по робототехнике отменили в Казани и перенесли в Архангельск. Маргарита расстроилась до слёз, напроць отказывалась ехать. Психовала. Что-то знала об Архангельске, о том, что там произойдёт. Он убедил её, что место не имеет значения, а времени на доработку работа будет больше. Она сидела на подоконнике с настёж открытым окном, и на душе у неё было тяжело.

Глава 12. Сумасшедший день

Неделя подходила к концу. Он спросил, встретятся ли они в субботу. «Может быть...» — ответила она. Её глодала мысль об Архангельске. В вечерней переписке он написал: «Приходи к 10 утра в субботу. Я удивлю тебя». Жене сказал, что время горит, робот не готов.

14 февраля — не просто дата. Это годовщина их с Еленой свадьбы. Ровно 17 лет в браке, 20 лет вместе. Он помнил это, но спешил к ней. Подвеска не пришла вовремя, и он забежал в ювелирный отдел в центре: «Нужно что-то красивое, современное, для девушки». Продавщица предложила варианты. Он выбрал серебряный крест, усыпанный камнями, и цепочку к нему. И тут же: «И жене». Продавщица смутилась, он расплылся в улыбке. Для жены выбрал серьги с сердечками. Потом вбежал в цветочный магазин: «Мне метровую розу, с нежно-розовым полураскрытым бутонем».

В школе предупредил охрану, что ждёт ученицу. В кабинете играла нежная музыка. «Алиса» слушалась Марго больше, чем его, и это его злило. Он стоял у окна. Пошёл снег. Подъехала машина, её привезла мама. Он слышал, как её быстрые ножки бегут навстречу. Она вошла: «Чем займёмся?». «Будем ещё одного робота делать». Она села, и они начали крутить гайки. Он рассказывал о себе, она — о себе. О годовщине свадьбы он умолчал.

На столе стояла электрофорная машина. «Давай делать глупости», — сказал он и показал, как она работает. Разряд пробивал воздух, запахло озоном. С каждым разрядом воздух становился пьянее. «Давай зарядим наши тела». Они прикоснулись к накопителям заряда, он начал вращать барабан, их тела стали проводниками. «Дай мне руку», — сказал он. И когда они почти соприкоснулись, между ними с треском проскочила молния. Воздух казался тяжелее, сердцебиение зашкаливало. Не больно. Необычно. «Давай ещё!» — просила она. Снова разряд, снова взлетающая в небо кардиограмма. В их глазах был огонь. Они были на грани — на грани жизни, счастья, запрета.

Потом он вышел в подсобку и вынес огромную нежную розу. Затем — коробочку. Она открыла. Крест и цепочка. У неё не получалось расстегнуть застёжку, и он помог — слишком бережно, слишком близко, с той осторожностью, за которой уже пряталось нарушение границы. Цепочка легла на шею. «Тебе идёт. Нравится?» Она молчала, растерянная и польщённая. Он сказал: «Запомни, я на этом кресте уже распят». Фраза прозвучала красиво, но за красотой стояла вина. Он ждал от неё ответного знака, хотя не имел права ждать ничего. «Что скажешь родителям?» — спросил он, провожая. «Скажу, что подарил Матвей, школьник. На подвеску не обратят внимания».

Дома его ждала жена. Он подарил ей серьги, она ему — мужской набор: галстук и запонки. Он отреагировал отстра-

нённо, думая о том, что Марго ничего ему не подарила. Вечером пришли соседи Ткачёвы. Он помогал по дому, но мыслями и сердцем был с ней, не выпуская телефон из рук. Она стала для него целой Вселенной. За столом он пригубил мартини, съел только то, что подходило под диету, и всё время переписывался с Маргаритой, которая привязывала его мёртвой петлёй. Сославшись на усталость, он ушёл «спать» — к ней, в их чат. Все были в шоке от его поведения в годовщину свадьбы.

Глава 13. Наркотик

В воскресенье он снова пошёл в церковь. От безысходности он не просто просил — он умолял Бога помочь решить эту непростую задачу. Задачи по физике он щёлкал как орехи, но тут — жизнь. Поставил свечи отдельно за неё, за её душу. Он понимал: она была искушением, той самой Евой. Она часто говорила в переписке, что она чёрт, и что они вместе будут гореть в аду. «Мне подходит, — отвечал он. — Только вот черти не горят, а жарят таких, как я». Он прочитал молитву о спасении её души, и как только перекрестился, ноги стали ватными, он упал на колени перед алтарём. Кто-то из толпы подал ему руку, помог встать. «Их обоих обрабатывал дьявол», — мелькнула мысль. Голова шла кругом. Он выбежал на свежий воздух, взглянул на небо — и небо заплакало дождём.

Потом он кинул милостыню нуждающимся и пошёл на рынок. Чем дальше от церкви, тем легче дышалось. На лице появилась дерзкая улыбка. Он купил фруктов, выпил кофе у знакомых, где хозяйка отметила, как он изменился. Уже месяц он пил двойной эспрессо без сахара. Дома хлопотал, переписываясь с ней. Подарил ей премиум-доступ в Telegram, она была счастлива. Сам тоже купил и начал выкладывать сторис о тренировках. Ему нравились лайки и комментарии. Знакомая родительница позвонила с тревогой: «Вита-

лий Владимирович, мне стоит волноваться?». «Нет, всё в порядке», — соврал он, понимая: пропал.

Жена видела изменения, но не предпринимала ничего. Спрашивала о музыке в машине, о том, что с ним творится. Он креативил, идеи шли спонтанно, и всё получалось. Вечером между супругами случилась близость — неожиданно живая после долгих лет усталости. Елена была поражена. Она будто вспомнила, каким он когда-то был. Но Виталий понимал страшное: даже возвращаясь к жене телом, мыслями он оставался в другом месте.

В понедельник он явился в школу как восход солнца. Ещё больше похудел, ещё круче выглядел. Сторис набрали сотни просмотров от учеников. Его фраза «Базовый минимум» из мема задевала их всё больше. Уроки становились всё эмоциональнее. Об учителе физики и его предмете говорила вся школа. К нему шли с улыбкой. Он испытывал настоящий катарсис. Кабинет наполнялся новыми вещами: модель солнечной системы, электронные часы, тематический календарь.

Она приходила на каждой перемене, на внеурочных занятиях, пряталась в подсобке на нелюбимых уроках.

И вот в одной из ночных переписок он написал: «Л***ю тебя». Она ответила, что она — Снежная королева, и её сердце — лёд. «Я растоплю этот лёд и освобожу маленькую девочку», — ответил он. Она открылась: её много раз предавали, родители не уделяют внимания, танцами занимается, потому что «надо».

В школу поступило новое оборудование от шефа региона. Завуч предложила дать открытый урок. «Какой класс возьмёте?» — «Конечно, 8 „А“». Его любимый класс, где учится Она. «Какая тема?» — «Космическое путешествие!» — выкрикнул он. Урок родился за несколько часов бессонной ночи. Она была его музой, нимфой. Накануне она нарисовала на доске телескоп, звёзды, надписи. Утром презентация слетела, он гонял домой, переделывал на ходу. Она была рядом, поддерживая.

Урок прошёл триумфально. Присутствовали журналисты, начальник управления образования. Его спросили, почему он не участвует в «Учителе года». «Не время, — ответил он. — Занят проектами, робототехникой, Архангельском, Пермью». Он боялся выделять её на уроке, чтобы не вызвать подозрений. Вместе с начальником дал интервью о новом оборудовании.

В четверг в 8 «А» была самостоятельная. Вместо фамилии она написала: «НАРКОТИК». Работа была на четвёрку. Он нарисовал под этой надписью разбитое сердце и поставил пять.

В пятницу у неё был концерт в ДК. Её не было в школе. Он пришёл в розовой рубашке и галстуке, спустился в столовую, и девчонки-старшеклассницы хором запели: «О Боже, какой мужчина!», снимая на видео. Так у него ещё никто не отпрашивался с урока. Он позвонил её отцу и спросил, можно ли посетить концерт. Купил три нежно-розовые розы

и приехал. Игорь видел цветы, они сидели вместе. Отец что-то заподозрил, но промолчал. После концерта он вызвал её в холл, неловко протянул цветы и тут же понял, насколько заметным стал этот жест. Отца уже не было. Она была счастлива. Они ходили по грани...

Глава 14. Жемчужина

Выходные. Он снова хлопотал по дому, заботясь о жене и детях, но мыслями был с ней. Пригласил семью Романовых на 22 февраля. В субботу спонтанно пригласил ещё и подружку дочери Ульяну с мамой.

В воскресенье — снова церковь. Он молился, но чувствовал: Бог отпустил ситуацию. Находясь в храме, он оставался под её наркотическим действием.

И вот все три семьи за столом. Маргарита рядом с отцом, он — с женой, но взгляды... Они палятся. Он пьёт мартини, Игорь шутит. Виталий предложил игру: три вопроса по кругу, любые — личные, глубокие, пошлые. Маргарите задали: «Сколько шагов до неба?». «Двенадцать», — ответила она. Весь вечер они смотрели друг на друга, не замечая никого. Он приглашал на медляки всех по очереди: Ульяну, её маму, Татьяну, саму Маргариту. Ульяна дрожала в его руках, Маргарита ревновала. Не жена — она.

Игорь увлёкся религиозной темой в разговоре с мамой Ульяны, а Виталий развлекал девчонок. Принёс гитару, Игорь сыграл. Было круто. Потом он и Маргарита играли в «Дурака». Она проигрывала партию за партией. «Вот видишь, пап, ничего не поделаешь», — сказала она. Раньше она всегда выигрывала. У него в тот вечер был карт-бланш.

Договорились, что завтра, 23 февраля, он встретится с ко-

мандой по робототехнике. Родители были не против.

В праздник он поехал в школу, положив в багажник пневматическую винтовку и мишени. Поздравил охранников подарками. Пронёс винтовку без чехла, сказав, что на уроке будет рассчитывать скорость пули. Купил торт, соки для команды, заказал роллы для себя и Маргариты, взял мартини. Скачал фильм «Перл Харбор».

Пришли дети и она. Он опасно пытался не видеть в ней ребёнка, хотя именно это должен был помнить каждую секунду. Пили чай, Маргарита — капучино, пели песни 90-х о любви. Все дети знали слова. Дети разошлись, он отвёз Матвея домой и помчался обратно. Она сидела на подоконнике в пустом кабинете, играла группа «Тату». Они были вдвоём.

Он достал подвеску «Атом», которая пришла накануне. В центре атома сияла жемчужина. «Моё имя с древнегреческого переводится как „жемчужина“», — прошептала она, поражённая. Он не знал этого, когда делал заказ. Совпадение показалось ему знаком, хотя на самом деле было лишь ещё одним поводом оправдать себя. Он помог застегнуть цепочку и отступил на шаг. Теперь рядом с крестом появился атом, в центре которого была жемчужина. Символ получился точнее, чем он хотел: красота оказалась внутри опасной конструкции.

Зажёг свечу. Роллы, фильм, тишина пустой школы. Всё выглядело как сцена из чужой взрослой жизни, которую он безответственно принёс в школьный кабинет. И чем уютнее

становилась эта сцена, тем очевиднее было: уют не отменяет вины.

— Делаем глупости, — сказал он и вынес винтовку. — Хочешь пострелять?

— Не умею.

— Я научу. Будешь снайпером. Мы пойдём на СВО, я в штурм, а ты будешь меня прикрывать.

Смастерил пулеуловитель, повесил мишень. Показал, как заряжать, как целиться. Выстрел. Она вздрогнула, сердце сбилось с ритма. Ему нравилась её дрожь. Передал оружие ей. Помог переломить, поправил руку. Выстрел! Теперь и его сердце пропустило удар. Она попала. Меняя мишени, она училась, схватывая науку на лету. Переламывала винтовку о колено, на котором потом выступают синяки. В её глазах горело неистовое зелёное пламя. Он смотрел на неё со стороны: оружие в руках, запах смазки... «Она — смертельное оружие для меня», — сказал он, не стесняясь. Она стреляла хладнокровно и уверенно, он стоял рядом, контролируя безопасность, хотя сам уже не контролировал себя. Почти триста выстрелов. Он любовался не меткостью ученицы, а собственным опасным восторгом.

Время прощаться. Он выключил свет и пригласил на медляк. «Алиса» играла «Руки Вверх» — «В омут твоих глаз». Песня, которую обожал её отец. Они кружились в темноте. Потом он вывел её через запасной выход, она ждала отца, сам сел в машину, просигналил и уехал.

Глава 15. Ядерные реакции

Общение не прекращалось ни на минуту. В тот вечер он заказал на «OZON» альбом — розовый, тканевый, с надписью «Счастье внутри». Он знал её страсть к таким вещам, знал, что они вместе оформят его фотографиями их моментов, наклейками и стразами. Знал, что это счастье будет растоптано — женой, её родителями, обществом, но оно останется в этом альбоме только для них. Она была в восторге. Они сами поддерживали себя в этой эндорфиновой эйфории, с которой невозможно соскочить. Они стали друг для друга личным сортом героина.

Она сама произнесла правила: никаких поцелуев, никаких прикосновений, никакого перехода к тому, что нельзя будет вернуть назад. Эти слова должны были стать границей. Но для него даже разговор о границе уже превращался в очередной источник опасной близости.

— Статья 134 УК РФ — это уже моя статья, — сказал он как-то.

— Никогда этого не будет, — утешала она.

Он выкладывал сторис из церкви, на Прощёное воскресенье попросил у всех прощения — за всё, и за то, что будет дальше. Выкладывал тренировки с фразой «Это базовый минимум!». Ученики выкрикивали её на уроках, когда он рассказывал об электричестве и ядерных реакциях. Но у него

был свой реактор, работающий на пике, и грозящий стать Чернобылем.

— Между нами ядерная реакция, — писала она. — Я как уран-235, а ты — нейтрон, летящий навстречу. Будет цепная реакция, и гамма-излучение причинит боль всем нашим родным.

Он захотел тату. Ворвался к Дмитрию: «Хочу набить татуировку». Маргарита тоже мечтала. Нашёл мастера в Мирном. Она выбрала для него эскиз: атом, но вместо ядра — жемчужина. Себе она хотела временную — змею, обвившуюся вокруг месяца. Ему хватало того, что крест и атом никогда не снимались с её груди. Мастер назначил сеанс на 21 марта.

Дни шли. Она ревновала его к жене, говорила, что собственница. Он ревновал её к мальчикам, чьи фото видел в том первом альбоме. Она рассказывала о мечте отца — BMW X5, и он, как под гипнозом, захотел такую же. Однажды она написала на доске: «Я люблю физику», а потом добавила букву «А» и скрыла её под листом бумаги. «Если всё узнают, — говорил он, — у нас не будет другого выхода, кроме как выйти в окно этого кабинета».

Пришёл альбом. Они сидели и выбирали фото, запечатлевшие пики их кардиограммы. Счастливые моменты. Она задерживалась на тренировки по танцам, он отвозил. Он агитировал своих детей ходить на дополнительные занятия по каратэ, чтобы видеться с ней в спортшколе, пока она ждёт

сестру. Это становилось системой. Он помолодел на шестнадцать лет, сбросив до 96 килограммов — вес 2010 года. Его духи сводили её с ума, а её Victoria's Secret Love был для него запахом запретной страсти, от которого сносило крышу. Она приходила в юбке, которую он выбрал, на каблуках, красилась для него.

Игорю он как-то сказал, что хочет BMW X5. Тот удивился: это была его мечта. Виталий будто планомерно разведывал почву для наступления. Или нет — это были ядерные, разрушительные реакции.

Глава 16. Сбой на реакторе

Конец февраля. Теплело. Но в его кабинете было жарко во всех смыслах. Он показывал детям фильмы о ядерных реакциях, об атомных станциях, о Хиросиме и Чернобыле. Он был богом в этой теме. На его уроках раскалывались атомы, испуская смертельную, но загадочную энергию. Кажалось, кабинет — часть научного центра.

Но и дома шли свои ядерные превращения. В его поведении появился подростковый максимализм: риски, азарт, спонтанные поступки. Он шёл до конца.

В ту пятницу они с женой поехали на ЖД вокзал встречать старшую дочь Анну. Елена задавала вопросы о том, что с ним происходит. Он импровизировал на ходу: «Просто настала пора менять жизнь». Вышел за кофе, оставив телефон на панели. На экране высветилось сообщение от «Марго» — на «ты», с вопросами, как доехали. Он вернулся, но было поздно. Елена увидела.

Она закипела, как первый контур охлаждения реактора. Он не стал врать. Рассказал всё. Что у него есть близкий человек, его ученица Маргарита, и он любит её и не представляет жизни без неё. За эти двадцать минут Елена испытала столько боли, сколько испытывают люди при мгновенном выбросе радиации. Гамма-излучение прошивало её сердце и душу. Она плакала, а он всё говорил и говорил. Выйдя

из машины, он позвонил Маргарите: «Она всё знает». Реакция Марго была странной. Урану-235 понравилось, что Елена страдает, что он теперь будет только её.

Встретив дочь, они надели маски, что всё хорошо. Детей оставили у бабушки, а сами поехали домой. Предстояла тяжёлая ночь. Ночь радиоактивных превращений.

Он рассказывал о другой, не мог остановиться. Они орали друг на друга, она кидалась вещами, била его, трепала. Ему было всё равно. Радиация заражала дом, разрушая любовь, как оболочку реактора. Она требовала телефон, он дал, предупредив: «Ты точно этого хочешь?». Она читала переписку и кричала, не зная, что делать. Если она попытается разобратся с ней, всё станет явным: позор для семьи, для него как учителя, для неё как сотрудницы банка, для детей, для той четырнадцатилетней девочки и её родителей. Весь город знает его.

Под утро он накапал корвалола. «Пообещай, что всё прекратишь», — потребовала она. «Попробую», — ответил он. Легли на разные кровати. Он слышал, как она всхлипывала. Настало недоброе утро. Радиация проникла во всё. Отвезя её на работу, он написал Маргарите: «Всё кончено». Удалил переписку...

Глава 17. Кнопка АЗ-5

Ему нужно было выговориться. Он поехал к куме Вере и рассказал ей всё, не прося совета, просто чтобы выплеснуть. Она принимала его любим. На мгновение стало легче. Он купил цветы для жены, встретил её с работы. Казалось, всё возвращается на круги своя. Вечером они были с детьми. Он занимался спортом, она включила фитнес рядом. Казалось, кнопка аварийной остановки реактора АЗ-5 сработала.

Ночью между ним и Еленой была близость — резкая, нервная, не похожая на прежнюю усталую супружескую привычку. Он словно пытался доказать себе, что ещё может вернуться в семью. Но чем отчаяннее он цеплялся за жену, тем яснее становилось: это не возвращение, а попытка заглушить другую зависимость.

Это был первый день весны. В воскресенье он снова пошёл в церковь. Стоял перед алтарём и думал о боли, которую причинил жене, и о том, что не может дышать без другой. Он любит обеих. Но любовь к каждой уникальна: Маргарита — уран-235, топливо; жена — графитовый стержень, замедлитель; а он — нейтрон, заставляющий происходить эту цепную реакцию. Нельзя любить двоих... Но и всего этого не может быть... «Хоть бы она завтра не пришла!» — попросил он у иконы Николая Чудотворца.

Выйдя из церкви, он заказал роллы, купил картины и ска-

зал жене: «Поехали, покатаемся». Впервые за два месяца он был полностью с ней. Они поехали в Свердловск, гуляли, смеялись, он почувствовал и её волну. «Есть одно место, там самая вкусная шаурма в Республике». Вернувшись домой — роллы, мартини, свечи. «За нас», — сказал он и поцеловал её с нежностью. Пригласил на танец, они кружились. Он достал штатив: «Снимем сторис для Telegram». Он снимал для Маргариты. Думал, она увидит и точно всё, она не придёт.

Елена пыталась вернуть в их отношения живость и игру. Он соглашался, улыбался, делал вид, что находится рядом. Но даже в самые личные минуты перед ним вставали зелёные глаза другой. Это было не чувство и не романтика — это была болезнь, которая уже проникла в дом.

Настало утро понедельника. С иголки, шлейф духов, овсянка, крепкий кофе. На улице яркое, жгучее солнце. Весна. В машине — все вместе. Он отвёз жену на работу, детей в одну школу, сам — в другую. Ворвался в школу отдохнувший, с чистыми мозгами. Дмитрий укорил: «Видел твой сторис. Зачем выставлять ваши отношения на всеобщее обозрение?». «Значит, так надо», — ответил Виталий.

Линейка. Он встретился с ней глазами. Она была бледна как смерть. Он пролетел мимо, не попав в ядро, и реакция затухала. ТВЭЛ отработал, подумал он. Она не пришла к нему ни на первой перемене, ни на следующей. «Здорово», — подумал он. На уроке вызвал её к доске на задачу, которую она заведомо не могла решить. Она не решила.

Уроки закончились. Он думал: ещё соревнования, проект, поездка в Пермь — и всё с ней. Сам виноват! На «Алисе» играла гармоничная, медленная музыка.

И вдруг... врывается Она!

— Ты что делаешь?! Зачем?! Мне больно!

После этих слов он сделал шаг к ней, но остановился слишком поздно: нейтрон снова столкнулся с атомом, и реакция началась с новой, утроенной силой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.